

По делу «Келлер против России»,
Европейский Суд по правам человека (Палата), заседая Палатой, в
состав которой вошли:

Изабелла Берро-Лефевр, *Председатель*,

Ханлар Гаджиев,

Мирьяна Лазарева Трайковска,

Юлия Лаффранк,

Линос-Александр Сицильянос

Ксения Туркович,

Дмитрий Дедов, *судьи*,

а также Андрэ Вампаш, *Заместитель Секретаря Секции*,

проведя 24 сентября 2013 года совещание по делу за закрытыми
дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 25824/04) против
Российской Федерации, поданной в Суд согласно статье 34 Конвенции
о защите прав человека и основных свобод (далее «Конвенция») гражданкой
Российской Федерации Галиной Алексеевной Келлер (далее «заявитель») 7 июля 2004 года.

2. Интересы заявителя представляли Е.Л. Линдер и Р.С. Карпинский, адвокаты, практикующие в Москве. Интересы властей
Российской Федерации (далее «власти») представлял Г. Матюшкин,
Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по
правам человека.

3. Заявитель утверждала, что власти несут ответственность за
жестокое обращение с ее сыном, приведшее к его смерти во время
нахождения под стражей в отделении милиции, а также что власти не
провели соответствующего эффективного расследования. Заявитель
также жаловалась на незаконный характер содержания ее сына под
стражей.

4. Жалоба была коммуницирована властям 5 декабря 2008 года.
Суд также решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с
постановлением вопроса о ее приемлемости (пункт 1 статьи 29).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1937 года рождения, проживает в городе Москве. Ее сын Василий Юрьевич Келлер (далее «В.К») родился 30 августа 1977 года и, начиная с 1998 года, проживал в городе Иваново Ивановской области.

А. Расследование кража и задержание В.К.

6. 13 сентября 2000 года сын заявителя был задержан и доставлен в Октябрьский районный отдел внутренних дел города Иваново (далее «РОВД»).

7. В 17:30 следователь А. составил протокол задержания, а затем допросил сына заявителя в качестве подозреваемого в совершении кражи двух велосипедов.

8. В тот же день в 18:30 был составлен протокол допроса, в котором говорилось, что сын заявителя был ВИЧ-инфицированным и наркозависимым, его поймали с поличным во время езды на украденном велосипеде и во время допроса он признался в совершении кражи.

9. После допроса к сыну заявителя поместили под стражу в изолятор временного содержания (далее «ИВС») Управления внутренних дел Ивановской области.

Б. События 16 сентября 2000 года

10. 16 сентября 2000 года В.К. доставили из ИВС на третий этаж здания РОВД в кабинет 315.

11. В присутствии назначенного адвоката Д. следователь Я. предъявила В.К. обвинение в совершении кражи. Сын заявителя не согласился с предъявленными ему обвинениями. Допрос закончился около 13:45, после чего Д по всей видимости покинул кабинет. Следователь Я. обратилась к своему коллеге стажеру К. с просьбой присмотреть за В.К. в то время, пока она будет на совещании с прокурором.

12. В тот же день около 15:00 В.К. был найден мертвым во внутреннем дворе отделения РОВД.

13. Сразу после инцидента прибыла бригада скорой помощи и доктора подтвердили смерть В.К.

14. Власти составили протокол осмотра места происшествия и отправили тело на судебно-медицинскую экспертизу для установления причины смерти.

15. В тот же день следователь К. составил рапорт о данном происшествии. В рапорте он указал следующее:

"... В 14:30 Я. вышла из кабинета, сообщив мне, что направляется к прокурору на совещание по поводу задержания В.К. В указанное время В.К. сидел на стуле в двух метрах от меня и в двух метрах от двери. В 14:35 я занимался своими делами, когда В.К. внезапно вскочил и выбежал из кабинета. Я побежал за ним и увидел, как он бежит в другое крыло здания. Я побежал за ним и увидел, что он бежит в сторону туалета. В коридоре никого не было. Я забежал [в туалет] и увидел, что окно наполовину открыто, а В.К. там нет. Я выглянул в окно и увидел, что В.К. неподвижно лежит на земле..."

В. Расследование события 16 сентября 2000 года

1. Возбуждение уголовного дела

16. 17 сентября 2000 года заявитель обратилась к прокурору Ивановской области с заявлением о возбуждении уголовного дела по факту смерти ее сына, в которой обвиняла сотрудников милиции, проводивших следственные действия и сопровождавших ее сына.

17. 19 сентября 2000 года руководитель отдела записей актов гражданского состояния по городу Иваново выдала свидетельство о смерти В.К. за номером I-FO-Ks 524264, в свидетельстве была указана дата смерти 16 сентября 2000 года в городе Иваново, а также «травматический шок и многочисленные повреждения головы, грудной клетки и тела» в качестве причины смерти.

2. Служебная проперт в отношении сотрудников милиции, причастных к инциденту

18. 20 сентября 2000 года Управление внутренних дел по городскому округу Иваново издало приказ № 125, в котором говорилось об отсутствии на месте происшествия в соответствующее время конвойных, а также о том, что допрос проводился не в специальном помещении, а в кабинете следователя. Данный приказ указывал на допущенное нарушение Приказа Министерства внутренних дел № 41-96, а также на тот факт, что ряд соответствующих должностных лиц не был ознакомлен с требованиями Приказа № 41-96. Причастным к происшествию сотрудникам, в том числе дежурному сотруднику РОВД сотруднику М. и руководителю РОВД были объявлены выговоры в связи с данным происшествием.

19. 2 октября 2000 года руководство Управления Министерства внутренних дел по Ивановской области провело совещание в связи с

4 П О С Т А Н О В Л Е Н И Е П О Д Е Л У «ЖЕЛДЕР ПРОТИВ РОССИИ»

происшествием, приведшем к смерти В.К. Должностными лицами было признано нарушение национального закона, однако с учетом «неопытности» следователей Я. и К. было решено сделать им предупреждение.

3. *Постановление от 7 октября 2000 года*

20. 7 октября 2000 года следователь районной прокуратуры рассмотрел материалы, собранные По итогам проверки происшествия 16 сентября 2000 года, и вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти В.К. Мотивировка постановления была следующей:

"... в ходе проверки было установлено, что 13 сентября 2000 года [В.К.] был задержан по подозрению в совершении преступления, предусмотренного... частью 2 статьи 188 Уголовного кодекса России; в соответствии с статьей 122 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР он был помещен под стражу в изолятор временного содержания Управления внутренних дел Ивановской области, где находился в период с 13 По 16 сентября 2000 года, 16 сентября 2000 года [Я.] приняла постановление о проведении следственных действий в своем кабинете в связи с их многочисленностью, в связи с чем [В.К.] был доставлен из изолятора временного содержания в кабинет [Я.], расположенный на третьем этаже здания РОВД. После проведения следственных действий [Я.] ... покинула свой кабинет и направилась к прокурору [для] постановления вопроса о применении к [В.К.] меры пресечения; вместе с [В.К.] в [кабинете] остался стажер [К.]. Внезапно [В.К.] выбежал из кабинета и выбросился из окна здания РОВД,

[К.], который был допрошен в ходе предварительной проверки, заявил, что 16 сентября 2000 года он находился в кабинете вместе с [В.К.] во время отсутствия [Я.], которая ушла в прокуратуру. Внезапно [В.К.] выбежал из кабинета и забежал в туалет в конце коридора. [К.] забежал в туалет вслед за [В.К.] и увидел там приоткрытое окно. Он выглянул в окно и с третьего этажа увидел, что [В.К.] без движений лежит на земле. [К.] сообщил о произошедшем дежурному сотруднику и прокурору. Все указанное выше произошло в 14:40.

При осмотре места происшествия было установлено, что тело [В.К.] находилось во внутреннем дворе Октябрьского РОВД расположенного по адресу проспект Ленина, д. 39, город Иваново. Тело [В.К.] находилось в 2 с половиной метрах от стены здания РОВД параллельно стене. Тело лежало на спине лицом вверх, голова была [повернута] в сторону гаражей, а ноги были направлены в сторону проспекта Ленина. Лицо было повернуто вправо. Внешний осмотр выявил наличие на лице а в области грудной клетки желтоватых и зеленовато-желтых синяков. Прямо над телом, на третьем этаже [здания] РОВД в помещении мужского туалета, находилось окно, две створки которого были открыты внутрь.

В ходе проверки было выявлено, что во время помещения в изолятор временного содержания [В.К.] на состояние здоровья не жаловался, о чем в протоколе обыска имеется его собственноручная запись: в целом здоров». 14 сентября 2000 года в 09:25 для осмотра была вызвана бригада скорой помощи и доктор, осмотревший [В.К.], поставил диагноз «миозит левой стороны грудной клетки. Противопоказаний для заключения под стражу не имеется». Во время

пребывания в изоляторе временного содержания [В.К.] на состояние здоровья также не жаловался.

В соответствии с протоколом, составленным по факту нанесения телесных повреждений [В.К.] объяснил наличие синяков на левом глазу и правом плече тем, что 13 сентября 2000 года он ударился о дверь. [В.К.] собственноручно написал в указанном протоколе, что жалоб на сотрудников милиции в связи с этим не имеет.

Таким образом, по итогам проведенной проверки следствие считает указанные в заявлении доводы [заявителя, обвинявшей сотрудников милиции в смерти своего сына] необоснованными.

...

Следствие считает, что никаких признаков преступления в соответствии с определением Уголовного кодекса России в действиях сотрудников милиции или иных лиц не имеется».

4. Постановление от 24 октября 2000 года

21. 24 октября 2000 года прокуратура Ивановской области произвела проверку постановления от 7 октября 2000 года и отменила его как незаконное и необоснованное. Было отмечено следующее:

"... событие произошло из-за грубых нарушений сотрудниками Октябрьского РОВД соответствующих требований содержания, обеспечения безопасности и конвоирования подозреваемых и заключенных. Нарушения правил конвоирования, допущенные в отношении [В.К.]... проявились в неисполнении или ненадлежащем исполнении сотрудниками Октябрьского РОВД своих обязанностей, что привело к смерти человека в результате несчастного случая);

22. Этим же постановлением было возбуждено уголовное дело по факту смерти В.К., а само дело было передано в прокуратуру Октябрьского района города Иваново (далее «районная прокуратура») для проведения расследования.

23. 13 ноября 2000 года следователь районной прокуратуры допросил следователя К., который в целом подтвердил свои показания от 16 сентября 2000 года

5. Первый этап расследования

24. 24 декабря 2000 года следователь районной прокуратуры подвел итоги проведенного уголовного расследования и вынес постановление о прекращении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

25. По итогам расследования, были собраны дополнительные письменные показания свидетелей по делу, в том числе заявителя, сотрудника милиции М., который 16 сентября 2000 года конвоировал В.К. в кабинет 315, следователя К. и дежурного сотрудника А.М. По всей видимости, последние трое в целом подтвердили версию произошедшего, которая была изложена в постановлении от 7 октября

что он не ответил, а продолжил везде его искать, но найти не мог. После этого разговора я поняла, что В.К. находился [у них] в кабинете и каким-то образом сбежал. Мы решили обыскать туалет [на третьем этаже]. Я вошла первой. С левой стороны было окно. Оно не было ни закрытым, ни открытым. Я открыла одно из окон, приподнялась, встала на колени на подоконник и выглянула наружу. Внизу на тротуаре я увидела лежащего человека. Я ни минуты не сомневалась, что это был В.К.»

29. 6 апреля 2001 года районная прокуратура снова прекратила уголовное дело по фактически тем же основаниям, которые были указаны в постановлении от 24 декабря 2000 года.

7. Третий этап расследования

30. В тот же день постановление о прекращении уголовного дела снова было отменено, и расследование было возобновлено.

31. 17 апреля 2001 года следователь допросил следователя К., который на этот раз изменил свои показания. Он признался, что не заметил исчезновения В.К. до тех пор, пока не вошла В., после чего они обнаружили тело В.К. на земле под окнами туалета. В ответ на вопрос о телесных повреждениях В.К. он ответил, что у В.К. «был синяк или два», но он «точно не помнит».

32. 20 апреля 2001 года следователь допросил Д., адвоката В.К., которые в связи с событиями 16 сентября 2000 года заявил, что у В.К. был синяк около левого глаза, полученный им в результате жестокого обращения со стороны сотрудников милиции во время задержания, но никаких жалоб он в связи с этим не подавал.

33. 29 июня 2001 года районная прокуратура снова прекратила производство. На этот раз следователь взял показания у большего числа свидетелей, в том числе второго сына заявителя и других членов ее семьи, старших сотрудников РОВД, районного прокурора, всех сотрудников, которые в соответствующий день находились на дежурстве и осуществляли конвоирование, сотрудников, проводивших расследование, двух граждан Д. и К., которые были потерпевшими в результате преступления, в совершении которого обвинялся В.К., и которые присутствовали при его задержании, а также заключенного З., который видел В.К. 16 сентября 2000 года. Следователь также взял показания у двоих сотрудников милиции Ж. и С., которые 13 сентября 2000 года доставили В.К. в отделение милиции.

34. На основании доказательств, указанных в материалах дела, следователь пришел практически к тем же выводам, что были сделаны ранее, за исключением одного момента. Теперь в постановлении говорилось, что в 13:45 В.К. уже перестал быть подозреваемым по делу, а стая обвиняемым. Следователь утверждал, что раз к В.К. не была применена какая-либо мера пресечения, необходимости содержать его под стражей больше не было, он имел право уйти, а

2000 года. Следователь еще раз осмотрел окно мужского туалета на третьем этаже здания РОВД и 23 ноября 2000 года получил заключение еще одного судебно-медицинского исследования трупа В.К. Результаты судебно-медицинского исследования показали, что кроме повреждений, вызванных падением В.К., были обнаружены следующие повреждения, с падением не связанные: три синяка на лице и шесть синяков на груди, полученные приблизительно за 3-7 дней до смерти.

Мотивировочная часть постановления гласила:

«Проанализировав материалы уголовного дела, следствие пришло к выводу об ... отсутствии в действиях сотрудников РОВД состава преступления, предусмотренного частью 2 статьи 293 Уголовного кодекса [халатность]... [В.К.] действовал самостоятельно: он выбежал из кабинета следователя, пытался сбежать, выпрыгнул из окна туалета, расположенного на третьем этаже здания... Сотрудники милиции [не оказывали] на [В.К.] ни физического, ни психологического давления.

Следствие считает, что можно было бы говорить о дисциплинарной ответственности сотрудников РОВД..., которые допустили грубые нарушения в части обращения с заключенными во время конвоирования из изолятора временного содержания..., тем более что приказом № 125 от 20 сентября 2000 года была установлена их дисциплинарная ответственность. Тем не менее, в их действиях или бездействии отсутствовал состав преступления...»

6. Второй этап расследования

26. 2 марта 2001 года городской прокуратурой постановление от 24 декабря 2000 года было отменено как необоснованное.

27. 6 марта 2001 года расследование было возобновлено.

28. 14 марта 2001 года следователь допросил В., которая во время рассматриваемых событий занимал должность руководителя следственного отдела РОВД. Она заявила, что была очевидцем инцидента, произошедшего 16 сентября 2000 года, в частности она заявила:

"... Когда я вошла в кабинет [Я. и К.], следователь К. о чем-то разговаривал с незнакомой женщиной. В кабинете должна была находиться Я., поскольку [Я. и К.] работали вместе... Я спросила Ю, где находится Я., на что он ответил, что, возможно, она ушла к прокурору для решения вопроса о мере пресечения [которая должна быть применена к] В.К. Я вышла из кабинета и направилась в кабинет прокурора Л. Он был один в своем кабинете. Я спросила его, где находится Я., на что он ответил, что у него ее не было... [обойдя дежурную часть в здании РОВД и так и не найдя Я., я снова вернулась в кабинет Я. и К.] В кабинете я снова застала К. Женщины уже не было. Я настойчиво потребовала его ответить, где находится Я. После моего Требования К. вскочил и молча выбежал из кабинета, чем очень меня удивил. Я вышла в коридор и встретила там сотрудника Из дежурной части, он спросил меня, где находится В.К. Я ответила, что не знаю. В это время к нам со стороны туалетов подошел К. Он был бледен, напуган и сильно взволнован. Из их разговора я поняла, что Я. привела В.К. к себе в кабинет. После этого я спросила К, где находится В.К, на

сотрудники милиции более не должны были обеспечивать его безопасность. Расследование также подтвердило отсутствие доказательств применения сотрудниками милиций физического воздействия. Последний вывод был основан на следующих доказательствах:

«Д. и К. были допрошены в качестве свидетелей и дали взаимоподтверждающие показания о том, что 13 сентября 2000 года они приехали на работу в наркологический центр ... на велосипедах. Заметив пропажу велосипедов, они начали их поиски. Им удалось схватить [В.К.], который пытался сбежать на велосипеде Д. При задержании они его не били. После этого они вызвали милицию...

З., допрошенный в качестве свидетеля, заявил, что 16 сентября 2000 года его вместе с [В.К.] доставили из изолятора временного содержания в здание РОВД, и что тогда он заметил синяк на лице последнего. При каких обстоятельствах был получен этот синяк, он не знал...

В материалах дела содержится протокол освидетельствования [В.К.], составленный в изоляторе временного содержания 13 сентября 2000 года; в протоколе говорится, что у [В.К.] имелись синяки в районе левого глаза и на правом плече. В отчете говорится, что данные телесные повреждения [В.К.] получил 13 сентября 2000 года [дома], «ударившись о дверь». [В.К.] собственноручно написал в указанном протоколе, что жалоб на сотрудников милиции в связи с этим не имеет.

В материалах дела также содержится справка, выданная в изоляторе временного содержания [о том], что во время поступления 13 сентября 2000 года [В.К.] сделал письменное заявление... [о том, что он] «здоров»!.. 14 сентября 2000 года для осмотра [В.К.] была вызвана бригада скорой помощи, которая не нашла никаких медицинских противопоказаний для содержания под стражей. Во время нахождения под стражей [В.К.] никаких других жалоб на состояние здоровья не подавал.

В материалах дела содержатся копии медицинского заключения, [составленного] бригадой скорой помощи... Во время [осмотра его бригадой скорой помощи] никаких телесных повреждений выявлено не было, ему поставили диагноз «острое респираторное заболевание. Миозит левой стороны грудной клетки».

[В результате судебно-медицинского исследования трупа [В.К.] были выявлены следующие телесные повреждения:] три синяка на лице и шесть синяков на грудной клетке, которые были получены в результате как минимум девяти ударов тупым и тяжелым предметом в указанные области за 3-7 дней до наступления смерти, к причине смерти они отношения не имеют...

Принимая во внимание собранные в ходе предварительного следствия доказательства, следствие, таким образом, приходит к выводу, что:

1. Согласно экспертизе, три синяка на лице и шесть синяков на грудной клетке, полученные за 3-7 дней до наступления смерти и не являющиеся причиной: смерти, ...были нанесены [В.К.] во время его задержания [потерпевшими от кражи] 13 сентября 2000 года. Данный вывод частично подтверждается ... заключением медицинской экспертизы, частично - [родственником [В.К.], который видел его 13 сентября 2000 года до указанных событий], следователем Я., следователем К. и ... другими доказательствами.

При этом следствие приходит к выводу, что указанные телесные повреждения были нанесены [В.К.] Д. и К., чьи показания следствие считает не заслуживающими доверия. Около 11:00 13 сентября 2000 года [В.К.] вышел из дома [без каких-либо телесных повреждений, о чем свидетельствует один из его родственников], в то время как сотрудники милиции Ж. и С, прибывшие в наркологический центр около 15:00 [подтвердили] наличие телесных повреждений. У них не было необходимости применять [на тот момент] силу, так как [В.К.] уже был задержан [Д. и К.] и сбежать не мог. Следствие не склонно полагаться [на сведения, указанные в показании свидетеля Д] о том, что, по словам [В.К.], один из синяков на лице [В.К.] был нанесен ему в результате жестокого обращения со стороны сотрудников милиции, так как [В.К.] никаких в связи с этим жалоб не подавал, несмотря на то, что такая возможность у него была. Данный вывод подтверждается письменным заявлением [В.К.] в [соответствующем протоколе, который был составлен в изоляторе временного содержания] о том, что никаких претензий к сотрудникам милиции он не имеет. Следствие не исключает возможность того, что некоторые телесные повреждения могли быть получены 13 сентября 2000 года при «ударе дверь», но они проявились не сразу, поэтому [его родные] их не заметили...»

35. 10 октября 2001 года данное постановление было вынесено повторно же следователем в соответствии с требованиями, предусмотренными поправками, внесенными в законодательство.

8. Четвертый этап расследования

36. 28 июня 2002 года Генеральная прокуратура отменила постановление от 10 октября 2001 года и направила дело в районную прокуратуру для дополнительного расследования. Среди причин отмены, орган, осуществлявший пересмотр дела, указал на то, что личность В.К., в частности наличие у него ВИЧ-инфекции, не было тщательным образом изучено.

37. 31 июля 2002 года дело поступило в районную прокуратуру для проведения расследования.

38. 15 августа 2002 года власти вынесли еще одно Постановление о прекращении расследования на тех же основаниях.

9. Пятый этап расследования

39. 22 октября 2002 года областная прокуратура отменила постановление от 15 августа 2002 года, указав, что «сотрудники милиции допустили явную халатность».

40. 17 ноября 2003 года районная Прокуратура снова прекратила уголовное дело. На этот раз следствие получило новое заключение судебной экспертизы, изучило его и выдвинуло новую версию о возможных причинах совершения В.К. самоубийства, что предположительно подтверждалось тем фактом, что он был ранее судим, был наркозависимым и боялся находиться под стражей из-за невозможности достать в изоляторе наркотики. В целом следствие пришло к выводу о том, что в действиях сотрудников милиции,

10 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «КЕЛЛЕР ПРОТИВ РОССИИ»

совершивших дисциплинарное правонарушение, не было состава преступления. Следствие пришло к выводу о том, что попытка В.К. сбежать сама по себе была преступлением. В отношении телесных повреждений В.К. в постановлении говорилось:

"... Согласно [очередной] экспертизе..., на теле [В.К.] были выявлены следующие телесные повреждения:

1. На лице: около левого глаза был синяк, фиолетового цвета в центральной части и зеленовато-синего по краям, размером 6-9 см, синяк аналогичного размера в области носа и губ на правой стороне треугольника [смерти], и синяк аналогичного размера в области нижней челюсти между третьим и четвертым зубом, размером 2-3 см;

2. На передней части грудной клетки: на правой и левой ключицах и на передних подмышечных линиях синяки того же размера (что и на лице), шесть штук, размером 2-4 и 2-6 см....

Зеленовато-синий цвет по краям синяков, имеющихся на лице и передней части грудной клетки, свидетельствует о том, что [данные] синяки были получены за три или более дня до наступления смерти, были нанесены тупым и твердым предметом.... и не являлись причиной смерти....»

41. В отношении мотивов В.К. следствие пришло к следующим выводам:

«На основании всех собранных в данном деле доказательств как объективного, так и субъективного характера, следствие Приходит к выводу о том, что смерть [В.К.] наступила в результате неудачной попытки сбежать из-под стражи. Опасаясь применения к нему меры пресечения, которая ДИ него, как наркозависимого, означала невозможность достать в следственном изоляторе наркотики при длительном его пребывании там, и воспользовавшись тем, что К. отвернулся, [В.К.] вышел из кабинета следователя... добрался до мужского туалета на третьем этаже и выпрыгнул из окна. Поскольку ранее он с такой высоты не прыгал, он переоценил свои возможности и после приземления скончался...»

42. 24 декабря 2003 года Октябрьский районный суд города Иваново (далее «районный суд») рассмотрел жалобу заявителя на постановление от 17 ноября 2003 года и отменил данное постановление как незаконное и необоснованное. Суд определю^ что многочисленные обстоятельства дела по-прежнему оставались невыясненными, в частности местонахождение сотрудников милиции в момент падения В.К., кто из сотрудников первым начал поиск В.К., и сколько именно времени прошло между падением и обнаружением тела, и соответственно, данные обстоятельства подлежали выяснению.

43. 15 января 2004 года Ивановский областной суд оставил постановление от 24 декабря 2003 года без изменений.

10. Шестой этап расследования

44. 19 февраля 2004 года областная прокуратура снова вынесла постановление о прекращении уголовного дела в связи с невозможностью установить причинно-следственную связь между смертью и нарушением сотрудниками милиции правил безопасности. Следствие пришло к выводу о том, что неясным оставалось то, как именно В.К. попал в туалет, однако было очевидно, что это произошло не в силу или по причине какого-либо нарушения. То, как он выпрыгнул из окна и приземлился свидетельствует о том, что он сделал это сам без какого-либо соответствующего принуждения со стороны сотрудников милиции.

45. 20 апреля 2004 года районный суд отменил Постановление от 19 февраля 2004 года и определил необходимость организовать в рамках расследования очную ставку тех свидетелей, чьи показания в данном деле не совпадали.

46. 25 мая 2004 года областной суд рассмотрел дело в кассационном порядке и оставил постановление от 20 апреля 2004 года без изменений.

11. Седьмой этап расследования

47. 24 мая 2004 года сотрудник районной прокуратуры вынес новое постановление о прекращении уголовного дела. В соответствии с постановлением суда, следствие отметило, что проведение очной ставки было бы бессмысленным, так как со времени инцидента прошло слишком много времени и свидетели могут уже не помнить всех необходимых подробностей произошедшего. Следователи посчитали, что прельщу шве выводы, указанные в постановлении от 19 февраля 2003, в любом случае остаются верными. Вне зависимости от того, какие результаты будут получены. По итогам очной ставки, поэтому они вынесли постановление о прекращении уголовного дела.

48. 8 июня 2004 года областная прокуратура отменила постановление от 24 мая 2004 в соответствии с кассационным определением от 25 мая 2004 года (см. выше пункты 45-46).

12. Восьмой этап расследования

49. 6 июля 2004 года уголовное дело снова было прекращено, по сути, на тех же основаниях, которые приводились ранее.

50. 10 сентября 2004 года прокуратура, высшей инстанции снова отменила это постановление. В постановлении говорилось о том, что некоторые обстоятельства дела остались невыясненными, в частности было неизвестно, было ли окно после падения из него В.К. открыто или закрыто, и перемещали ли тело после падения.

13. Десятый этап расследования

51. Очередным постановлением от 13 октября 2004 года следователи прекратили уголовное дело, приведя те же основания^ что и по предшествующим постановлениям, и пришли к заключению о неуспешной попытке В.К. сбежать из-под стражи. Постановление гласило:

«Настоящее уголовное дело было возбуждено 24 октября 2000 года прокуратурой Ивановской области и в соответствии с частью 2 статьи 293 Уголовного кодекса России в связи с предполагаемой халатностью, допущенной [сотрудниками милиции] и приведшей к смерти [В.К.].

В результате расследования настоящего дела было установлено, что 13 сентября 2000 года [В.К.] был задержан по подозрению в совершении кражи, преступления, предусмотренного подпунктом «а» части 2 статьи 158 Уголовного кодекса России, и доставлен в изолятор временного содержания Октябрьского РОВД города Иваново.

16 сентября 2000 года [В.К.] был под конвоем доставлен в [отделение милиции]. Его привели к следователю Я. в кабинет, расположенный на третьем этаже здания отделения милиции. Конвойные оставили его в кабинете, где находились [двое следователей - Я. и К.].

16 сентября 2000 года в 13:45 Я. в присутствии адвоката [В.К.] Д., предъявила [В.К.] официальные обвинения в Совершении кражи и провела допрос. Затем Я. вышла из кабинета для того, чтобы утвердить постановление о [применении] к [В.К.] меры пресечения и оставила его вместе с К.

К. был за работой и забыл о необходимости следить за [В.К.]. Воспользовавшись этим, [В.К.] покинул кабинет с намерением сбежать. Он прошел в туалет, расположенный на том же этаже.

Спустя несколько минут [один из сотрудников милиции] заметил исчезновение [В.К.] из кабинета. К. и [двое других сотрудников милиции] начали его поиски. В туалете они обнаружили наполовину открытое окно. Они выглянули из него и во внутреннем дворе увидели лежащее тело [В.К.].

В своих показаниях [заявитель] утверждала, что ее сын не мог добровольно выпрыгнуть из окна. Ой ссылаясь на показания [одного из сотрудников милиции], который обнаружил, что окно не было полностью открытым. Однако упомянутый ею в заявлениях сотрудник милиции во время перекрестного допроса заявил, что окно было наполовину открытым... Отсюда следует вывод о том, что [В.К.] Перед Прыжком пытался закрыть окно.

Данное заключение, помимо прочего, основано на результатах судебно-медицинской экспертизы. Согласно выводам экспертов, [В.К.] владел своим телом при падении, поскольку он приземлился на ноги. Нет никаких доказательств того, что [В.К.] вытолкнули из окна.

(Осмотр места происшествия не выявил) никаких следов того, что [его] тело передвигали. Во время проведения судебной экспертизы на лице [В.К.] были обнаружены зеленовато-желтые и желтоватые синяки, а на груди - желтоватые синяки. Никаких других телесных повреждений на внешней поверхности тела обнаружено не было.

Показания [двух свидетелей, эксперта и прокурора], которые [лично] присутствовали на месте происшествия в указанное время, подтверждают достоверность протокола, составленного на месте происшествия.

Врач скорой помощи Б., который 16 сентября 2000 года осматривал тело [В.К.] на месте происшествия, заявил, что не менял положения тела [В.К.]. Он сослался на разъяснения сотрудников милиции и в медицинском заключении указал, что [В.К.] скончался до его прибытия в результате падения из окна с третьего этажа. Тело лежало в позе, характерной при падении человека с высоты.

По итогам дополнительного осмотра места происшествия 16 мая 2001 года было установлено расстояние между окном и землей, которое составило восемь метров тридцать сантиметров.

В показаниях [заявителя] говорится о том, что на губах, и подбородке [В.К.] она видела два «новых» синяка. Данные заявления безосновательны, так как заявитель не обладает медицинским образованием и не могла оценить характер этих телесных повреждений. Согласно заключениям экспертизы, синяки были явно получены за 3-7 дней до наступления смерти.

[Пострадавшие, которые поймали В.К.] заявили, что не помнят подробности инцидента. Они не исключали возможность того, что [В.К.] оказывал им сопротивление или упал с велосипеда. [Пострадавшие] его не били. [В.К.] извинился за кражу велосипедов. Он также объяснил, что таким образом хотел добыть деньги на наркотики. Сотрудники милиции задержали его и доставили в отделение милиции.

В ходе расследования настоящего дела прокуратура допросила родных [В.К.], в том числе его мать, брата, сожительницу и К. Все свидетели показали, что знали о задержании [В.К.]. 16 сентября 2000 года брат и сожительница [В.К.] отправились навестить его. По прибытии на место они узнали, что [В.К.] скончался...

Следователь допросил двоих следователей, причастных к инциденту, в частности Я. и К., двоих конвойных М. и П., [трех сотрудников милиции], обнаруживших тело В.К., его адвоката Д. и [прокурора], который в соответствующее время находился в здании. Упомянутые выше свидетели заявили, что 16 сентября 2000 года [В.К.] был задержан и доставлен в отделение милиции. Конвойные П. и М. доставили [В.К.] в кабинет, где оставили его вместе с Я. и К. Д. утверждал, что [В.К.] не жаловался на то, что на него [оказывается] какое-либо давление. [В.К.] предположительно заявил, что имеющиеся у него на теле синяки были получены им во время задержания. М. и П. также утверждал, что [В.К.] на жестокое обращение не жаловался. По их словам, [В.К.] получил переданные ему родными продукты питания и одежду. На начальном этапе расследования [В.К.] подчеркнул наличие у него ВИЧ-инфекции. В связи с этим ему уделяли особое внимание. Впоследствии [В.К.] стал раздражительным. Возможно, он переживал из-за своего содержания под стражей. Я. сообщила [В.К.] о своем намерении применить к нему [соответствующую] меру пресечения после утверждения постановления прокурором. [В.К.] и оставила К., который занимался работой и забыл о необходимости следить за [В.К.]. Воспользовавшись этим, [В.К.] покинул кабинет.

Спустя несколько минут его исчезновение было обнаружено [и] К. вместе с [двумя другими сотрудниками] начали его поиски. В туалете они обнаружили

наполовину открытое окно. Они выглянули из него и во внутреннем дворе увидели лежащее тело [В.К.]. Сразу после этого они вызвали скорую помощь и сообщили о произошедшем в прокуратуру Ивановской области.

Из показаний свидетелей следует, что исчезновение [В.К.] было обнаружено практически немедленно. Не было никаких звуков борьбы, ударов и падений, которые бы могли свидетельствовать об избиении или перемещении тела. Дверь туалета была единственной незапертой на всем этаже. Находясь под стражей с 13:00 до 16:00 [В.К.] несколько раз выходил в туалет: Он знал, что дверь не заперта. Никаких следов борьбы в туалете обнаружено не было...

В настоящем деле следственными органами было проведено два судебно-медицинских исследования трупа [В.К.]. Исследования проводились [компетентными специалистами]. Впоследствии, по требованию [заявителя], прокуратур назначил проведение дополнительной судебной экспертизы, которая была проведена [комиссией из трех специалистов].

С учетом того, что [заявитель] подвергла сомнению выводы специалистов, следственный орган удовлетворил ее требование и предоставил ей заверенные копии экспертных заключений...

16 января 2003 года прокуратур назначил проведение повторного судебно-медицинского исследования трупа [В.К.]...

В соответствии с постановлением суда от 25 мая 2004 года следователь допросил [одного из экспертов], проводивших исследование 22 июня 2001 года... Он заявил о том, что незначительные расхождения в описании повреждений на теле [В.К.] можно объяснить разницей в освещении - в ярком морге и на месте происшествия в облачный день. В любом случае рассматриваемые расхождения не влияли на общие заключения экспертов в отношении механизма, характера и предполагаемого времени нанесения указанных телесных повреждений...

Все судебно-медицинские экспертизы установили одну и ту же причину смерти [В.К.]. Расхождений в заключениях специалистов не было. Экспертные заключения являются достоверными и обоснованными. Нет никакой необходимости в проведении эксгумации для проведения очередной экспертизы.

Согласно заявлениям [заявителя], эксперты обнаружили, что [В.К.] приземлился на Правую сторону и не двигался. Однако она утверждает, что а показаниях одного из сотрудников милиции говорилось о том, что [В.К.] лежал на спине. В связи с этим она предположила, что [его тело передвигали]. Данное утверждение является необоснованным, так как заявитель неправильно истолковала заключения экспертов, в которых ясно говорилось о том, что [В.К.] приземлился на левую ногу, [сразу после чего] упал на правую часть спины. Механизм образования телесных повреждений Свидетельствует о том, что тело [В.К.] было найдено лежащим на спине в результате движения по инерции с правой стороны.

В свете имеющихся материалов следственный орган приходит к выводу, что смерть [В.К.] наступила в результате его собственных осознанных действий. Опасаясь возможного заключения под стражу и будучи наркозависимым, [В.К.] воспользовался тем, что К. отвлекся, вышел из комнаты для проведения допроса и направился в туалет. С целью сбежать из [отделения] милиций он выпрыгнул из окна. [В.К.] не рассчитал высоту. Он умер в результате неудачного приземления. Данный вывод подтверждается показаниями свидетелей,

результатами осмотра места происшествия и экспертными заключениями. Дополнительно проведенная экспертиза опровергает заявление о том, что с [В.К.] жестоко обращались. Его падение было контролируемым, так как он приземлился на ноги. Согласно заявлению одного из родственников [В.К.], он, находясь однажды в состоянии наркотического опьянения, пытался выпрыгнуть с балкона. В действиях сотрудников милиции, не было состава уголовных преступлений, предусмотренных статьями 105 [убийство], 110 [доведение до самоубийства] и частью 4 статьи 111 [умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по халатности, приведшее к смерти потерпевшего] Уголовного кодекса России. Они не превысили свои должностные полномочия и не нарушили положений статьи 286 [превышение должностных полномочий] Уголовного кодекса России..

Нет никаких прямых или косвенных доказательств того, что смерть [В.К.] наступила в результате незаконных действий со стороны сотрудников милиции, задействованных в соответствующих следственных действиях, конвоировавших его, или тех, кто в день происшествия присутствовал в отделении милиции. Материалы дела свидетельствуют о том, что смерть наступила в результате неудачной попытки побега из отделения милиции, то есть в результате его собственных действий, целью которых было избежать заключения под стражу. Нет никаких свидетельств того, что [В.К.] был доведен до самоубийства на этапе предварительного расследования. В связи с этим следствие приходит к выводу, что в действиях сотрудников милиции не было состава уголовных преступлений, предусмотренных статьями 105 [убийство], 110 [доведение до самоубийства], частью 4 статьи 111 [умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по халатности, приведшее к смерти потерпевшего] и статьей 286 [превышение должностных обязанностей] Уголовного кодекса России. Материалы настоящего дела свидетельствуют о том, что права [В.К.] сотрудниками милиции нарушены не были.. Между [действиями сотрудников милиции] и смертью [В.К.] нет никакой причинно-следственной связи. Таким образом, в действиях сотрудников милиции не было состава Преступления [халатность, повлекшая смерть или причинение тяжкого вреда здоровью], предусмотренного частью 2 статьи 293 Уголовного кодекса России."

52. 18 марта 2005 года районный суд отклонил жалобу заявителя на постановление от 13 октября 2004 года. В качестве основания в постановлении суда было указано следующее:

«В соответствии со статьей 7 Уголовно-Процессуального кодекса Российской Федерации постановление следователя было законным, и обоснованным. Суд приходит к выводу, что оспариваемое постановление следователя соответствует данным требованиям. Оно включает в себя описание обстоятельств Дела и [содержит] ссылки на доказательства.

Следователь, в первую очередь, изучил экспертные заключения, составленные специалистами Бюро судебно-медицинской экспертизы Ивановской области, экспертной комиссией Бюро судебно-медицинской экспертизы Ивановской области, экспертной комиссией Национального Центра судебно-медицинской экспертизы при Министерстве здравоохранения, а также экспертное заключение по итогам осмотра тела специалистом Бюро судебно-медицинской экспертизы Ивановской области.

Указанные выше экспертные заключения доказывают, что причиной смерти и телесных повреждений [В.К.] **БЫЛО** падение. Эксперты установили, что [В.К.] приземлился на ноги, то есть управлял своими движениями. Все повреждения

[В.К.] возникли в короткий период времени, практически одновременно. Он умер сразу после падения.

В отношении заявленных расхождений между заключениями экспертов в связи с телесными повреждениями, имевшимися на лице [В.К.], а также в связи со временем его смерти, были даны соответствующие пояснения. Специалист из Бюро судебно-медицинской экспертизы Ивановской области объяснил существование определенных расхождений в описании повреждений на лице. Он заявил, что расхождения были незначительными и не влияли на общее заключение о характере данных повреждений, их степени тяжести и предполагаемом времени их возникновения. Он пояснил, что заключения экспертов друг другу не противоречили. Их выводы дополняли друг друга. Не было расхождений и в заключениях относительно происхождения повреждений, все они были обоснованными и достаточными. Нет никакой необходимости в проведении эксгумации для проведения очередной экспертизы.

По мнению суда, экспертные заключения в достаточной степени согласуются друг с другом. Они основаны на материалах дела, в том числе на протоколе осмотра места происшествия. Экспертизы проводились компетентными специалистами. Все они были уведомлены о [возможной] уголовной ответственности за преднамеренное Представление ложных заключений. Суд не видит никаких причин для иных выводов.

В своем постановлении от 24 декабря 2003 года, которое вступило в силу, суд рассмотрел обстоятельства смерти. Доводы [заявителя] признаны необоснованными. Суды оставили постановление следователя об отказе в проведении эксгумации для очередной экспертизы от 6 ноября 2003 без изменений.

Следователь не изучил заключение эксперта [представленную заявителем], так как она фактически содержала те же выводы, что были сделаны ранее другими специалистами.

Следователь принял ряд мер для согласования ряда расхождений между показаниями свидетелей и провел перекрестный допрос. В ходе перекрестного допроса он установил обстоятельства [смерти В.К.]. Следователь достаточно подробно Изложил описание событий. За истечением времени неразрешенными остались отдельные незначительные детали. Тем не менее, это не никак не могло повлиять на общую оценку обстоятельств [смерти В.К.], а также общие вывод следственных органов.

Показания свидетелей были изучены и сопоставлены с экспертными заключениями и другими доказательствами. Суд согласен с выводом следователя о том, что [В.К.] не подвергали жестокому обращению и не доводили до самоубийства.

В ответ на [утверждения заявителя] следователь заявил, что на месте обнаружения тела преступления совершено не было. Опираясь на заключения экспертиз, следователь пояснил, почему [В.К.] был найден лежащим на спине. Следователь учел механизм образования у [В.К.] телесных повреждений. Нет никаких доказательств того, что тело [В.К.] перемещали.

Следователь установил все обстоятельства смерти [В.К.]. Он дал оценку действиям сотрудников милиции с учетом положений Уголовного кодекса Российской Федерации, в том числе части 2 статьи 293. Он пришел к выводу, что сотрудники милиции допустили нарушения ряда положений

законодательства; однако причинно-следственной связи между их [незаконных] действиями и смертью [В.К.] не было.

Суд не видит оснований ставить под сомнение выводы следователя. Были проведены все необходимые следственные действия с целью сбора дополнительных доказательств и разрешения спорных вопросов. Нет никакой необходимости проводить еще одну судебную экспертизу.

Суд приходит к выводу, что постановление от 13 октября 2004 года, вынесенное [следственными органами] в связи со смертью [В.К.], является обоснованным и законным».

53. 15 апреля 2005 года Ивановский областной суд рассмотрел постановление районного суда в кассационном порядке и оставил его без изменений, приведя при этом ту же мотивировку и выводы.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Конституция Российской Федерации

54. Статьи 20, 21 и 22 Конституции гласят, что каждый имеет право на жизнь и право на свободу и личную неприкосновенность, которые гарантируются и защищаются государством. Никто не должен подвергаться жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

55. Кроме того, статьи 45 и 46 Конституции Российской Федерации гарантируют каждому судебную защиту конституционных прав.

56. Статьи 52 и 53 Конституции защищают права потерпевших от преступлений. Государство гарантирует потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц.

Б. Уголовный кодекс России

57. Статья 105 Кодекса предусматривает наказание за убийство в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет.

58. Статья 110 Кодекса предусматривает наказание за доведение лица до самоубийства в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

59. Часть 4 статьи 111 Кодекса предусматривает наказание за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, в виде лишения свободы на срок от пяти до пятнадцати лет.

60. Подпункт «а» части 3 статьи 286 Кодекса предусматривает наказание за действия должностного лица, явно выходящие за пределы его Полномочий и повлекшие существенное нарушение прав и

законных интересов граждан, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

61. Часть 2 статьи 293 Кодекса предусматривает наказание за халатность, повлекшую смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

В. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года

62. Статья 53 Уголовно-процессуального кодекса 1960 года, действующего до 1 июля 2002 года, предусматривала признание потерпевшими близких родственников по делу о преступлении, последствием которого явилась смерть потерпевшего. Во время расследования любое *лицо*, признанное потерпевшим, имеет право представлять доказательства и заявлять ходатайства. По окончании расследования потерпевшему предоставляется полный доступ к материалам дела.

63. Статья 108 предусматривала возбуждение уголовного дела на основании устных и письменных заявлений граждан, общественных и частных организаций, статей, опубликованных в печати, или обнаружения органом дознания, прокурором или судом признаков преступления.

64. Статья 109 Кодекса предусматривала Обязательность принятия органом дознания или следствия одного из следующих решений в срок не более десяти дней со дня получения сообщения о преступлении: возбудить или отказать в возбуждении уголовного дела, или передать сообщение в соответствующий орган. О принятом постановлении должно было сообщаться лицу, подавшему заявление.

65. Статья 113 Кодекса предусматривала необходимость вынесения мотивированного постановления в случае отказа следственного органа в возбуждении уголовного дела. О принятом постановлении должно было сообщаться лицу, подавшему заявление, которое могло обжаловать это постановление прокурору или в суд.

66. Статьи 208 и 209 Кодекса предусматривали порядок прекращения уголовного дела. В числе оснований для прекращения уголовного дела было в том числе отсутствие *corpus delicti*¹. Такие постановления могли быть обжалованы прокурору или в суд.

¹ Состав, преступления (прим; ред.)

Г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 года

67. Статья 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, действующего с 1 июля 2002 года, предусматривает возможность возбуждения уголовного дела при условии наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

68. Статья 144 Кодекса предусматривает обязанность прокуроров, следователей и органов дознания рассматривать заявления и проверять сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении, а также принять постановление в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. В исключительных случаях этот срок может быть продлен до десяти суток. По результатам рассмотрения сообщения о преступлении принимается Одно из следующих решений: (а) о возбуждении уголовного дела; (б) об отказе в возбуждении уголовного Дела; (в) о передаче сообщения в Другой компетентный орган (статья 145 Кодекса).

69. Статья 125 Кодекса предусматривает возможность обжалования постановления следователя или прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные их постановления и Действия (бездействие), которые могут нарушить конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, в районный суд, уполномоченный рассматривать законность и обоснованность спорных постановлений.

70. Статья 213 Кодекса предусматривает в случае прекращения Производства по уголовному Делу обязанность следователя подготовить обоснованное постановление с указанием существа дела и оснований для прекращения. Следователь Должен направить прокурору копию постановления о прекращении уголовного дела. Также следователь должен направить письменное уведомление о прекращении дела потерпевшему и лицу, подавшему заявление.

71. В соответствии со статьей 221 Кодекса прокуратура отвечает за общий надзор за расследованием. В частности, прокурор может выносить распоряжения о проведении определенных следственных действий, о передаче дела другому следователю или об отмене незаконных и необоснованных постановлений, вынесенных следователями и органами дознания.

Д. Правовые положения, касающиеся сопровождения задержанных и надзора за ними

72. Статья 17 Закона № 103-ФЗ от 15 июля 1995 года «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых; в совершении

преступлений» предусматривает обязанность государства гарантировать личную безопасность подозреваемых и обвиняемых во время их нахождения под стражей.

73. Приказ Министерства внутренних дел России № 41-96 от 26 января 1996 года предусматривает правила содержания под стражей, обеспечения безопасности и конвоирования подозреваемых и обвиняемых. Статья 2.32 однозначно запрещает проводить какие-либо следственные действия с участием подозреваемых и обвиняемых в кабинетах следователей, не предназначенных для указанных целей. Статья 3.33 предусматривает необходимость всегда сопровождать подозреваемых и обвиняемых к месту проведения следственных действий. Статья 3.117 предусматривает обязанность конвойных всегда присутствовать **При** проведении следственных действий, и следовать за любыми передвижениями подозреваемых или обвиняемых в зависимости от характера проводимых следственных действий. Внутри помещений конвойные обязаны находиться рядом с окнами, а старший конвойный должен охранять дверь.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ *КАРУШЕЗИШЕ* СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

74. Заявитель жаловалась **На** нарушение статьи 2 Конвенции в связи с тем, что власти ответственны за смерть ее сына В.К. и что они впоследствии не вышлоляли своего обязательства провести надлежащее расследование обстоятельств его смерти. Статья 2 Конвенций предусматривает следующее:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (a) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- (c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

А. Доводы сторон

75. По словам заявителя, самым правдоподобным объяснением падения В.К. было то, что сотрудники милиции вытолкнули его из окна с целью скрыть следы предшествующего жестокого обращения. Она считает, что ни один здравомыслящий человек не стал бы прыгать с высоты 8,3 метра в надежде сбежать. Заявитель считает, что повреждения на лице В.К., появившиеся после падения, могли служить подтверждением такого объяснения. Заявитель утверждает, что если события развивались иным образом, то происшествие стало возможным только по причине халатности должностных лиц, ответственных за проведение следственных действий и осуществление конвоирования, которые не смогли обеспечить надлежащий надзор за В.К.

76. По мнению заявителя, расследование обстоятельств смерти В.К. было поверхностным. Она выразила свое недовольство тем, что не все очевидцы происшествия были подвергнуты Надлежащему допросу и очной ставке сразу после происшествия, а также тем, что в ходе следствия не был осмотрен туалет, а с трупа В.К. не были взяты образцы для анализа. О том, что расследование было проведено с различными нарушениями, свидетельствуют постановления прокуроров, надзирающих за следствием, которые указывали на многочисленные недостатки расследования.

77. Власти утверждают, что смерть В.К. наступила исключительно в результате его неудачной попытки побега из-под стражи через окно в туалете. Они отказались брать на себя ответственность за смерть В.К., ссылаясь на выводы следственных органов о том, что В.К. сам выпрыгнул из окна. Власти не отрицали тот факт, что причастные сотрудники допустили халатность, но оспаривали наличие причинно-следственной связи между их действиями и Смертью В.К. в результате прыжка из окна.

78. Власти утверждали, что последовавшее после события расследование было проведено достаточно тщательно. Власти сделали все возможное, чтобы пролить свет на обстоятельства смерти В.К., и в кратчайшие сроки выполнили необходимые следственные действия. Власти допросили всех свидетелей происшествия, провели несколько судебно-медицинских исследований трупа В.К. и представили объяснения на все доводы заявителя относительно обстоятельств смерти В.К.

Б. Оценка Европейского Суда

1. Приемлемость жалобы

79. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Предполагаемое нарушение права В.К. на жизнь

(i) Общие принципы

80. Суд напоминает, что статья 2 Конвенции, гарантирующая право на жизнь, является одним из основополагающих положений Конвенции. Наряду со статьей 3 она закрепляет одну из основных ценностей демократических обществ, входящих в состав Совета Европы. Первое предложение статьи 2 предписывает Договаривающимися Сторонам не только воздерживаться от преднамеренного лишения жизни или лишения жизни путем применения силы, непропорциональной преследуемым законным целям, указанным в подпунктах «а», «б» и «с» пункта 2 данного положения, но также предпринимать соответствующие меры по охране жизни тех, кто находится под их юрисдикцией (см., *inter alia*, постановление от 9 июня 1998 года по делу «Б.С.В. против Соединенного Королевства» (*L.C.B. v. the United Kingdom*), § 36, Сборник постановлений и постановлений (*Reports of Judgments and Decisions*) 1998-III, и постановление по делу «Кинан против Соединенного Королевства» (*Keenan v. the United Kingdom*), жалоба № 27229/95, § 89, ECHR 2001-III).

81. Суд также подчеркивает, что лица, содержащиеся под стражей, находятся в особенно уязвимом положении, и власти обязаны нести ответственность за обращение с ними. Как правило, сам факт того, что человек умирает при подозрительных обстоятельствах во время содержания под стражей ставит под вопрос соблюдение государством своего обязательства по защите права этого человека на жизнь (см. постановление по делу «Слимани против Франции» (*Slimani v. France*), жалоба № 57671/00, § 27, ECHR2004-IX (выдержки)). Подобное обязательство необходимо толковать таким образом, чтобы оно не налагало невозможное или несоразмерное бремя на органы власти с учетом того, с какими трудностями сталкивается полиция при осуществлении своих функций в современном обществе, насколько непредсказуемо поведение людей, а также с учетом необходимости

сделать практический выбор приоритетов и ресурсов. Соответственно, не всякая заявленная угроза для жизни может налагать на власти требование Конвенции принять оперативные меры для того, чтобы не допустить реализации этой угрозы.

82. Суд указывал ранее, что для возникновения позитивного обязательства должно быть установлено, что власти знали или должны были знать в соответствующий период о существовании реальной и непосредственной угрозы для жизни определенного лица со стороны третьего лица или него самого, и, зная об этом, не приняли меры в рамках своих полномочий, которые, разумно, можно было ожидать в целях предотвращения такой опасности (см. постановление по делу «Кинан против Соединенного Королевства» (*Keenan v. the United Kingdom*), указанное выше, § 90; и постановление по делу «Пол и Одри Эдвардс против Соединенного Королевства» (*Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*), жалоба № 46477/99, § 55, ECHR 2002-11). Тем не менее, даже если не было установлено, что власти знали или должны были знать о существовании такой угрозы, существуют определенные минимальные меры предосторожности, которые сотрудники полиции или пенитенциарного учреждения должны принимать в любом случае для того, чтобы максимально предотвратить опасность и обеспечить охрану жизни и здоровья лиц, находящихся под стражей (см. Постановление от 14 декабря 2010 года по делу «Мижигарова против Словакии» (*Mizigdrovd v. Slovakia*), жалоба № 74832/01, § 89).

83. При оценке доказательств Европейский суд принял критерий доказанности «вне всякого сомнения». При этом, такое доказательство должно проистекать из сосуществования достаточно веских, однозначных и согласованных умозаключений или сходных неопровержимых предположений о существовании какого-либо факта. В случае если события в деле полностью или по большей части находятся в сфере исключительной осведомленности властей, как в деле, где фигурируют лица, находящиеся под их контролем, будучи под стражей, возникают обоснованные естественные предположения в отношении травм или смерти, которые были причинены во время такого содержания под стражей. Более того, можно считать, что бремя доказывания лежит на властях, которые должны представить удовлетворительное и убедительное объяснение (см., среди других источников, постановление по делу «Ангелова против Болгарии» (*Angelova v. Bulgaria*), жалоба № 38361/97, §§ 109-11, ECHR 2002-IV).

(H) Применение данных принципов к настоящему делу

84. Европейский Суд отмечает, что заявитель представила две разные версии. Изложения фактов в части материально-правового

24 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «КЕЛЛЕР ПРОТИВ РОССИИ»

аспекта статьи 2 Конвенции. Она утверждала, что либо сотрудники милиции выбросили В.К. из окна, либо его попытка побега, повлекшая за собой смерть, была обусловлена явной халатностью ответственных должностных лиц, которые не обеспечили надлежащего надзора за В.К. В обоих случаях заявитель говорит об ответственности властей в смерти В.К.

85. Что касается первой версии, то Европейский Суд напоминает о применяемом им в свете статьи 2 критерии доказанности «вне всякого сомнения». В настоящем деле Европейский Суд не видит веских доказательств в пользу версии **О** преднамеренном лишении В.К. жизни. Утверждение заявителя о **Том**, что В.К. не мог совершить столь неразумный поступок, как **Прыжок** из окна, не соответствует данному критерию и само по себе не является достаточным основанием для того, чтобы переложить бремя доказывания на государство-ответчика.

86. Европейский Суд отмечает, что утверждения заявителя были опровергнуты следственными органами и судами двух инстанций, которые пришли к выводу **О** том, что «В.К. не подвергался жестокому обращению и не был доведен до самоубийства» (см. пункты 51 и 52 выше), и Суд не видит оснований для иных **Выводов**. Данные выводы подтверждаются заключениями экспертов, согласно которым «В.К. при падении управлял своими движениями, поскольку **Приземлился** на ноги», а также показаниями свидетелей (см. пункты 44 и 51 выше), которые свидетельствуют об отсутствии каких-либо признаков применения к В.К. силы в день рассматриваема* событий. В связи с этим Европейский Суд также отмечает, что повреждения на голове и груди В.К., которые были обнаружены во время исследований трупа, были получены как минимум за три дня до **Инцидента** (см. пункты 25 и 40 выше). Соответственно они не могут считаться достаточным свидетельством того, что В.К. заставили вышрыгнуть из окна или что он пытался сбежать из-за жесткого обращения со стороны сотрудников милиции,

87. С учетом вышеизложенного Европейский Суд считает, что для вывода о том, что сотрудники милиции выбросили В.К. из окна, заставили его это сделать, а также о том, что он пытался сбежать из-за жестокого обращения со стороны сотрудников милиции, нет достаточной фактической и доказательной базы (см. для сравнения постановление от 2 марта 2006 года по делу «Эрикан Будут против Турции» (*Erikan Bulut v. Turkey*), жалоба № 51480/99, § 30; постановление от 3 мая 2012 года по делу «Клейн и Александрович против России» (*Kleyn and Aleksandrovich v. Russia*), жалоба № 40657/04, § 43-50; и постановление от 26 января 2006 года по делу «Михеев против России» (*Mikheyev v. Russia*), жалоба № 77617/01, § 22). Рассмотрев материалы дела и доводы сторон, Европейский Суд приходит к выводу, что власти пришли к обоснованному заключению

о том, что причиной смерти В.К. стала его неудачная попытка побега из-под стражи.

88. Возвращаясь ко второй версии заявителя относительно неспособности государства защитить жизнь В.К. Европейский Суд напоминает, что обязательство обеспечивать охрану жизни и здоровья лиц, находящихся под стражей, означает обязательство охранять задержанных и находящихся под стражей лиц от опасности, которую можно предвидеть (см. постановление от 16 февраля 2012 года по делу «Еремьяшова и Печова против Чешской Республики» (*Eremidsovd and Pechova v. the Czech Republic*), жалоба № 23944/04, § 117; и постановление по делу «Мижигарова против Словакии» (*Miiigdrovd v. Slovakia*), указанное выше, § 89). Несмотря на то, что нет достаточных доказательств того, что власти знали или должны были знать о том, что В.К. может предпринять попытку сбежать, вышрыгнув из окна, третьего этажа, существуют определенные минимальные меры предосторожности, которые сотрудники полиции обязаны принимать в отношении лиц, находящихся под стражей, с целью максимального предотвращения **Попыток** к бегству.

89. В связи с этим Европейский Суд приходит к выводу о **Том**, что 16 сентября 2000 года при конвоировании и надзоре за находящемся под стражей В.К. были допущены грубые нарушения. Европейский Суд отмечает отсутствие на месте конвойных до и во время попытки В.К. к бегству (см. пункты 18, 19 и 51 выше), а также факт проведения допроса не в предназначенном для этого помещении, а в кабинете следователя, что являлось нарушением соответствующих национальных правил (см. пункты 18, 19, 25 и 73 выше). Более того, следователь, которая вела дело, знала о наркозависимости В.К., а В.К. 16 сентября 2000 года проявлял заметное беспокойство, что подтвердили сотрудники милиции М. и П. (см. пункты 8 и 51 выше), однако сотрудники милиции не приняли никаких должных мер безопасности. В заключении, в соответствии с показаниями К. и его руководителя В., данными ими в рамках расследования (см. пункты 28 и 31 выше), после того, как Я. покинула кабинет, В.К. на какое-то время остался один, без сколь-либо эффективного надзора за ним, в незапертом кабинете, благодаря чему ему удалось незаметно покинуть кабинет следователя, беспрепятственно дойти до туалета на третьем этаже здания и вышрыгнуть в окно.

90. Европейский Суд хотел бы напомнить, что, по его мнению, требовать от государств установить на каждое окно каждого отделения милиции решетки в целях предотвращения трагических происшествий подобных тому, то рассматривается в настоящем деле, было бы чрезмерным, (см. постановление по делу «Еремьяшова и Печова против Чешской Республики» (*Eremidsovd and Pechova*), указанное выше, § 117). Однако это не снимает с государств обязательства в соответствии

со статьей 2 Конвенции обеспечивать охрану жизни задержанных и находящихся под стражей лиц и предотвращать предвидимые угрозы.

91. С учетом обстоятельств настоящего дела, Европейский Суд не может не прийти к выводу о том, что государство не обеспечило В.К. достаточную и приемлемую защиту его жизни, как того требует статья 2 Конвенции. Таким образом, было допущено нарушение статьи 2 в ее материально-правовом аспекте.

(б) Предполагаемое невыполнение обязательств по проведению надлежащего расследования смерти В.К.

(i) Общие принципы

92. Европейский Суд напоминает, что в случаях, когда ответственность за лишение жизни предположительно лежит на государстве или его представителях, необходимо проведение эффективного расследования или тщательной проверки событий таким образом, чтобы факты по Делу были известны общественности и, в частности, родственникам потерпевших (см. постановление от 29 марта 2001 года по делу «Семинска против Польши» (*Sieminska v. Poland*) (dec), жалоба № 37602/97; постановление от 27 сентября 1995 года по делу «МакКанн и другие против Соединенного Королевства» (*McCann and Others, v. the United Kingdom*), § 161, Series A №324; и постановление от 28 июля 1998 года по делу «Эрги против Турции» (*Ergi v. Turkey*)* § 82, Сборник (*Reports*) 1998-IV).

93. Расследование должно быть проведено таким образом, чтобы было возможно установить причину появления телесных повреждений и установить виновных для их последующего привлечения к ответственности. Если события привели к смерти, то расследование имеет еще большее значение, поскольку главной его целью является обеспечение эффективного применения национальных законов, касающихся защиты права на жизнь. Европейский Суд ранее уже постановлял, что власти должны принимать все необходимые и доступные им меры для сбора доказательств в отношении инцидента; включая, среди прочего, свидетельские показания, судебно-медицинские заключения и, если таковое применимо, вскрытие, которое обеспечивает полную и безошибочную фиксацию повреждений и объективный анализ клинических исследований, включая причину смерти, *постановление Большой Палаты по делу «Начова и другие против Болгарии»* (*Nachova and Others v. Bulgaria*), жалобы Хо№ 43577/98 и 43579/98, § 113, ECHR 2005-VTI; постановление по делу «Ангелова против Болгарии» (*Angelova v. Bulgaria*), указанное выше, § 139; и постановление от 4 мая 2001 года по делу «Келли и Другие против Соединенного Королевства» (*Kelly and Others v. the United Kingdom*), жалоба № 30054/96, § 96).

94. Такого рода расследование должно быть начато немедленно и проведено в разумные сроки (см., например, постановление по делу «Хью Джордан против Соединенного Королевства» (*Hugh Jordan v. the United Kingdom*), жалоба №24746/94, § 108, ECHR 2001-III (выдержки)). В зависимости от обстоятельств дела необходимо обеспечить достаточный контроль со стороны общественности, а родственники потерпевшего должны принимать участие в расследовании в той мере, которая является необходимой для соблюдения их законных интересов (см. постановление по делу Хью Джордана (*Hugh Jordan*), указанное выше, § 109, и постановление по делу Келли и других (*Kelly and Others*), указанное выше, § 98)

95. Европейский Суд напоминает, что для того, чтобы расследование обстоятельств смерти лица, находящегося под стражей, могло считаться эффективным, необходимо, чтобы лица, ответственные за его проведение, были независимы от лиц, причастных к расследуемому преступлению. Это означает не только отсутствие иерархической или институциональной связи, но и независимость в практическом плане (см. постановление от 27 июля 1998 года по делу «Гюлеч против Турции» (*Güleg v. Turkey*), §§ 81-82, Сборник (*Reports*) 1998-IV; постановление по делу «Эрги против Турции» (*Ergi v. Turkey*), указанное выше, §§ 83-84; постановление по делу Начовой (*Nachova*), указанное выше, § 112; постановление по делу Хью Джордана (*Hugh Jordan*), указанное выше, § 106; и постановление Большой Палаты По делу «Рамеахаи и другие против Нидерландов» (*Ramsahai and Others v. the Netherlands*), жалоба № 52391/99, § 325, ECHR 2007-II).

(II) Применение данных принципов к настоящему делу

96. Европейский Суд отмечает, что изначально расследование обстоятельств смерти ВчК. проводилось в рамках уголовного дела, которое в связи с этим было возбуждено прокуратурой Ивановской области. Расследование шло чуть более четырех лет и завершилось вынесением 13 октября 2004 года постановления, в котором говорилось, что «никакой причинно-следственной связи между [действиями сотрудников милиции] и смертью [В.К.] установлено не было», и что «таким образом, в действиях сотрудников милиции не имелось состава преступления [халатность, повлекшая за собой смерть или причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего]» (см. пункт 51 выше). Национальные суды двух уровней юрисдикции изучили обоснованность и законность сделанных заключений и принятых мер и согласились с ними (см. пункты 52 и 53 выше).

97. Европейский Суд считает очевидным тот факт, что соответствующие органы отреагировали достаточно оперативно, так как сразу после происшествия были осуществлены следственные

действия (см. пункты 13-14 и 20 выше), и что все расследование проводилось сотрудниками прокуратуры, то есть органа, который обладает институциональной независимостью от сотрудников милиций, причастных к данным событиям (см. пункты 20^и51 выше). Остается рассмотреть вопрос об эффективности расследования с точки зрения возможности в результате него установить обстоятельства, при которых произошел инцидент, и установления личности Или личностей виновных в смерти пострадавшего по делу.

98. Что касается рассматриваемого расследования по факту возможного применения силы или жестокого обращения с В.К. до момента его смерти, то Европейский Суд хотел бы еще раз указать на свои предшествующие выводы (см. пункт 87 выше) о том, что смерть В.К. наступила не в результате того, что его выбросили из окна, или того, что он пытался сбежать из-за жестокого обращения с ним со стороны сотрудников милиции. Следовательно, Европейский Суд соглашается с выводами Национальных органов власти и судов, которые исключили любые подозрения в Применении силы или в жестоком обращении с В.К. во время событий, предшествующих его прыжку, ставшему причиной смерти (см. пункты 51-53 выше).

99. Возвращаясь к вопросу о качестве оспариваемого расследования по факту Предполагаемой халатности, допущенной ответственными сотрудниками милиции, Европейский Суд отмечает, что в определенной степени было ненадлежащим на первоначальном этапе в связи с принятием недостаточных мер для установления последовательности событий, местонахождения и передвижений основных лиц 16 сентября 2000 года. Это, к сожалению, обернулось определенными задержками.

100. Тем не менее, Европейский Суд отмечает, что, Несмотря на указанные задержки в производстве, следственные органы обратили внимание на недостатки и исправили их (см. пункты 33, 34, 38, 44, 47, 49 и 51 выше). В ходе национального расследования и последующего судебного производства власти установили личности всех, кто мог дать показания в связи с обстоятельствами смерти В.К. и провели многочисленные Допросы и очные ставки с участием этих лиц с целью установления точных обстоятельства инцидента. Они также осмотрели место происшествия и провели многочисленные экспертизы трупа В.К.

101. На основании указанных материалов власти пришли к выводу об «отсутствии прямых или косвенных доказательств того, что смерть [В.К.] наступила в результате незаконных действий сотрудников милиции, которые... осуществляли его конвоирование к местонахождению сотрудников, Присутствовавших в отделении милиции в день происшествия», а также к выводу о том, что «он скончался в результате неудачной попытки к бегству из отделения

милиции, то есть в результате собственных действий, целью которых было избежать содержания под стражей» (см. пункт 51 выше).

102. Таким образом, Европейский Суд не видит никаких оснований для выводов, отличных от тех, к которым пришли национальные суды по данному вопросу, и приходит к заключению о том, что расследование смерти В.К., проведенное властями, в целом соответствовало требованиям процессуального аспекта статьи 2 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

103. Заявитель жаловалась на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением, которому В.К. подвергся до дня своей смерти, а также в связи с тем, что расследование не смогло объяснить причину появления синяков на теле ее сына. Статья 3 Конвенции гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Доводы сторон

104. Заявитель утверждает, что в отделении милиции В.К. подвергся жестокому обращению, целью которого являлось добиться от него признательных показаний. Она ссылаясь на заключение судебной экспертизы, которая обнаружила три синяка на лице и шесть синяков на грудной клетке, которые не были вызваны его падением из окна. Заявитель утверждает, что власти не смогли предоставить удовлетворительного и убедительного объяснения по поводу указанных повреждений.

105. Власти оспорили утверждения заявителя и отметили, что имеющиеся у В.К. повреждения были нанесены ему либо владельцами украденных велосипедов, которые поймали его с поличным, либо самим В.К., который 13 сентября 2000 года до дня задержания ударился о дверь.

Б. Оценка Европейского Суда

1. Приемлемость жалобы

106. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Предполагаемое нарушение статьи 3 в процессуальном аспекте

107. Суд напоминает о своей устоявшейся практике, согласно которой в случаях, когда лицо выдвигает спорное заявление о том, что оно подверглось жестокому обращению в нарушение статьи 3 Конвенции, данное положение во взаимосвязи с общим обязательством государств по статье 1 Конвенции «обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции» предполагает необходимость проведения эффективного официального расследования. Обязательство по проведению расследования не является «обязательством добиться результата, а обязательством принять меры»: не каждое расследование обязательно должно быть успешным: или приводить к заключению, совпадающему с версией событий, изложенной заявителем; однако оно должно в принципе быть способным привести к установлению обстоятельств дела и, если обвинения подтверждаются, к установлению личностей виновных и их наказанию.

108. Расследование доказуемых утверждений о жестоком обращении должно быть тщательным. Это означает, что власти должны всегда предпринимать все возможное, чтобы установить обстоятельства произошедшего, и не должны полагаться на поспешные и малообоснованные выводы при принятии ими решений, в том числе о том, чтобы прекратить уголовное дело. Власти должны принимать все необходимые и доступные им меры для сбора доказательств в отношении инцидента, включая, среди прочего, подробное изложение заявлений предполагаемого потерпевшего, свидетельские показания, судебно-медицинские доказательства и, если таковое применимо, медицинские заключения, которые обеспечивают полную и безошибочную регистрацию повреждений и объективный анализ клинических исследований, включая причину появления повреждений. Любой недостаток расследования, уменьшающий возможность установления Причины появления повреждений или личностей виновных, может привести к нарушению этого принципа. Расследование предполагаемого жестокого обращения должно быть начато немедленно. В заключение, должен существовать достаточный контроль за ходом расследования и его результатами со стороны общественности; в частности, во всех случаях лицо, подавшее заявление, должно иметь реальную возможность участвовать в процессе расследования (см., среди прочих источников, постановление от 28 октября 1998 года по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others v. Bulgaria*), §§ 102 et seq., Сборник (*Reports*) 1998^ VIII; постановление по делу Михеева (*Mikheyev*), указанное выше, §§

107-108; и постановление от 6 декабря 2007 года по делу «Петрополу-Цакирис против Греции» (*Petropoulou-Tsakiris v. Greece*), жалоба № 44803/04, § 50).

109. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что о наличии на теле В.К. повреждений, не связанных с его падением, следственные органы узнали вскоре после инцидента 16 сентября 2000 года. Сразу было принято постановление о проведении освидетельствования тела (см. пункт 14 выше), а в первом постановлении о прекращении уголовного дела от 7 октября 2000 года говорилось о «желтоватых и зеленовато-желтых синяках на лице и грудной клетке» (см. пункт 20 выше). Европейский Суд считает, что данные результаты наряду с жалобой заявителя от 17 сентября 2000 года, в которой она обвиняла сотрудников милиции в смерти В.К., представляли собой «небезосновательную жалобу» на жестокое обращение со стороны сотрудников милиций и требовали проведения местными органами власти расследования в соответствии с требованиями статьи 3 Конвенции.

ПО. Европейский Суд отмечает, что, несмотря на это, соответствующие органы власти начали расследовать причины возникновения телесных повреждений только на более позднем этапе расследования. Впервые следственные органы обратили внимание на этот вопрос и пытались разрешить его в постановлении от 29 июня 2001 года, то есть спустя девять месяцев после событий (см. пункт 34 выше), и даже тогда власти ограничились простым сбором показаний сотрудников милиции, не проведя их критического анализа и не организовав очные ставки свидетелей, чьи показания не совпадали! 25 мая 2004 года, то есть спустя два года и одиннадцать месяцев, национальные суды обратили внимание на этот недостаток, однако к тому времени он не мог быть разрешен и устранен за истечением длительного периода времени (см. пункт 47 выше).

111. Европейскому Суду представляется очевидным, что в результате этих задержек власти упустили возможность собрать соответствующие вещественные Доказательства, установить личности возможных свидетелей и допросить их, провести медицинскую экспертизу сотрудников милиции или других лиц, предположительно причастных к возникновению телесных повреждений. По сути, указанные задержки являлись настолько серьезным упущением, что Европейский Суд сомневается, что последующее расследование смогло бы устранить причиненный ими вред. В целом Суд приходит к выводу о том, что расследование обстоятельств получения В.К. телесных повреждений, было проведено, но при этом не было ни тщательным, ни эффективным.

112. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд считает, что власти не провели эффективного расследования: в связи с

украсть велосипед (см. пункт 8 выше), и только после этого он был передан сотрудникам милиций Ж. и С., которые доставили В.К. в отделение милиции (см. пункт 33 выше). Следовательно, вопрос, который необходимо решить, заключается в том, получил ли В.К. указанные выше повреждения до того, как в дело вмешались Д. и К., во время встречи с Д. и К., или после задержания, осуществленного Ж. и С.

117. Очевидно, что в материалах дела нет никаких доказательств того, что В.К. мог получить все указанные повреждения до встречи с Д. и К. В связи с этим Европейский Суд скептически относится к приведенному в протоколе от 13 сентября 2000 года объяснению, предположительно данному самим В.К., о том, что он «ударился о дверь», а также к учетным записям из изолятора временного содержания, в которых В.К. собственноручно написал, что «здоров», и записи, сделанной 14 сентября 2000 года бригадой скорой помощи (см. пункты 20, 34 и 51 выше). Все эти доказательства не получили подтверждения в ходе последующего расследования и не соответствуют описанию тяжести и степени повреждений, приведенному в заключении, составленном по результатам второго судебно-медицинского исследования трупа В.К. (см. пункты 34 и 40 выше)., а также Показаниям одного из родственнику приведенным в постановлении от 29 июня 2001 года (см. пункт 34 выше).

118. При этом утверждение о том, что В.С. взбили Д. и К. основывается исключительно на Показаниях Ж. и С. и отрицается самими Д. и К. (см. пункты 34 и 51 выше). Как Европейский Суд уже отмечал в пунктах ПО и 111, расследование не смогло проверить достоверность показаний с помощью очной ставки лиц и сотрудников милиции, а также не смогло в целом критически их оценить, в связи с чем оценка их достоверности Судом является затруднительной. Аналогичным образом утверждение о том, что В.К. били сотрудники милиций, как это следует из предполагаемого разговора адвоката Д. с В.К. (сн. пункт 32 выше), также не подтверждается Другими доказательствами, в связи с чем данное утверждение трудно признать заслуживающим доверия.

119. Тем не менее, Европейский Суд отмечает, что невозможность прийти к какому-либо выводу относительно того, имело ли в отделений милиции место обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции, в значительной степени вытекает из уклонения национальных властей от эффективного реагирования на жалобы заявителя в соответствующий период (см. для сравнения постановление от 29 июля 2008 года по делу «Гарибашвили против Грузии» (*Gharibashvili v. Georgia*), жалоба № 11830/03, § 57, с дальнейшими ссылками, постановление от 24 февраля 2005 года по делу «Хашиев и Акаева, против России» (*Khashiyev and Akayeva v.*

Russia), №№ 57942/00 и 57945/00, § 178, с дальнейшими ссылками; и постановление от 13 июля 2010 года по делу «Лопата против России» (*Lopata v. Russia*), исалоба № 72250/01, §§ 124-126).

120. Таким образом, Европейский Суд не может установить материально-правовое нарушение статьи 3 Конвенции в части заявленного заявителем жестокого обращения во время содержания под стражей в милиции.

III. ПРЕДОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

121. Заявитель жаловалась на нарушение статьи 5 Конвенции в связи с тем, что ее сын находился под стражей в период с 13 по 16 сентября 2000 года в нарушение Национального законодательства. Данная часть жалобы должна быть рассмотрена с точки зрения подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, которая гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть Лишей свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед Компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, Когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить Совершение им правонарушения или Помешать ему скрыться после его совершения...»

122. Власти утверждают, что В.К. находился под стражей на законных основаниях. Они также утверждали, что заявитель не исчерпала внутригосударственные средства правовой защиты, имевшиеся в ее распоряжении. В частности, она не обжаловала действия следственных органов прокурору или в суд.

123. Заявитель выразила свое несогласие и продолжала настаивать на своих Жалобах. Она заявила об отсутствии эффективных средств правовой защиты в связи с незаконным содержанием ее сына под стражей.

124. Европейский Суд напоминает, что в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Конвенции он может принимать дело к рассмотрению только в течение шести месяцев со дня вынесения окончательного постановления По делу в процессе исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. Если средства правовой защиты были недоступны или были сочтены неэффективными, то шестимесячный срок, в принципе, исчисляется с момента совершения обжалуемого действия (см. постановление от 10 января 2002 Года по делу «Хазар и другие против Турции» (*Hazar and Others v. Turkey*), №№ 62566/07 et seq.).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ЖЕЛДЕР ПРОТИВ РОССИИ»

35

125. Европейский Суд отмечает, что предполагаемое нарушение прав В.К., гарантированных статьей 5, были допущены в период с 13 по 16 сентября 2000 года. Изучив материалы дела и доводы сторон, Европейский Суд отмечает, что заявитель не обращалась с данным вопросом в компетентные органы на национальном уровне. Даже если предположить отсутствие соответствующих внутригосударственных средств правовой защиты, жалоба была подана 7 июля 2004 года⁶ есть вне шестимесячного срока, установленного пунктом 1 статьи 35 Конвенции.

126. Соответственно, в соответствии с пунктами 1 и 4 Конвенции данная часть жалобы должна быть отклонена как поданная вне установленного срока,

IV. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

127. Заявитель также жаловалась на нарушение статьи 13 Конвенции в связи с отсутствием надлежащего расследования смерти ее сына.

128 Суд отмечает, что данная часть жалобы затрагивает те же вопросы, что были рассмотрены выше в соответствии со статьей 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте. Следовательно, жалобы Должны быть признаны приемлемыми. Однако, принимая во внимание собственные выводы в соответствии со статьей 2 Конвенции, Европейский Суд **Не** считает необходимым рассматривать эти вопросы отдельно в соответствии со статьей 13 Конвенции (см., например, постановление по делу «Бекос и Кутропулос против Греции» (*Bekos and Koutropoulos v. Greece*), жалоба № 15250/02, §57, ECHR 2005-XIII (выдержки); постановление от 19 марта 2009 года по делу «Полонский против России» (*Polonskiy v. Russia*), жалоба № 30033/05, § 127; постановление от 10 июня 2010 года по Делу «Шерстобитов против России» (*Sherstobitov v. Russia*), жалоба № 16266/03, § 94; и постановление от 22 января 2013 года по делу «Сулейманов против России» (*Suleymanov v. Russia*), жалоба № 32501/11, § 157).

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

129. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

130. Заявитель требовала присудить ей 1 000 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

131. Власти заявили, что само установление факта нарушения будет являться надлежащей справедливой компенсацией по делу заявителя.

132. Европейский Суд считает, что в результате выявленных нарушений заявитель должна была испытать душевные страдания и чувство отчаяния. Дав объективную оценку, Европейский Суд присуждает заявителю 11 000 евро в качестве компенсации морального вреда плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма.

Б. Расходы и издержки

133. Заявитель также требовала присудить ей 10 000 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства в Европейском Суде. Заявитель представила договор на представление ее интересов в Суде, подписанный ею И адвокатом, а также чек на предоплату в размере 6 000 евро.

134. Власти оспорили данное требование, отметив, что заявитель имеет право требовать возмещения расходов и издержек только в том случае, если будет доказано, что они были понесены в действительности, по необходимости и в разумном размере.

135. Европейский Суд **Отмечает**, что заявленные заявителем расходы были понесены по необходимости. Но при этом считает, что затребованные суммы не были разумными. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении сведения, а также размер компенсаций, присужденных в похожих делах, Европейский Суд считает целесообразным **Присудить** сумму в 5 000 евро, покрывающую все расходы, плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма.

В. Проценты за просрочку платежа

136. Европейский Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка, плюс три процента.

**ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД
ЕДИНОГЛАСНО:**

1. *Признал* жалобы заявителя на нарушения статей 2, 3 и 13 Конвенции приемлемыми, а остальные жалобы — неприемлемыми;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с неспособностью властей принять меры по обеспечению соблюдения права В.К. на жизнь;
3. *Постановил*, что нарушения статьи 2 Конвенции в связи с неспособностью властей провести эффективное расследование обстоятельств смерти В.К. допущено не было;
4. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте в связи с неспособностью властей провести эффективное расследование причин возникновения у В.К. телесных повреждений;
5. *Постановил*, что нарушения статьи 3 Конвенций в ее материально-правовом аспекте в связи с имеющимися у В.К. телесными повреждениями. Допущено не было;
6. *Постановил*, что нет необходимости рассматривать жалобу заявителя на качество расследования обстоятельств смерти В.К. в соответствии со статьей 13 Конвенции;
7. *Постановил*:
 - а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, следующие суммы в валюте государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты;
 - (!) 11 000 (одиннадцать тысяч) евро плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда;
 - (И) 5 000 (пять тысяч) евро плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве возмещения судебных расходов и издержек;
 - б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации с Вышеуказанной суммы выплачивается простой процент в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты процентов за просрочку плюс три процента.

35

38 **ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «КЕЛЛЕР ПРОТИВ РОССИИ»**

8. *Отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 17 октября 2013 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Андрэ Вампаш
Заместитель Секретаря

Изабелла Берро-Лефевр
Председатель

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

Неофициальный перевод

ДЕЛО «КЕЛЛЕР ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 26824/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

17 октября 2013 года

Настоящее постановление вступило в силу 17 февраля 2014 г. в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

